

Глава III. Философия экобойцов

Большинство эковоинов не интересуются чётко сформированной философией или иными «дорожными знаками», указывающими им, как жить. Когда активистов просили обдумать, какие события, идеи или мотивы привели их к их необычным принципам, все они, один за другим, признавали, что их понуждала к действию интуиция, а не какой-нибудь ясный, рациональный, дедуктивный мыслительный процесс. Радикальное природоохранное движение порождается экологической совестью, которая идёт от сердца, — не от головы — от сердца, почувствовавшего мир природы. Активист «ЗПВ!» Деррил Черни, например, стремился перебраться в леса секвойи из своего дома в Манхеттене. Когда он попал туда, он был в шоке. «В день, когда я впервые приехал в Гарбервилль, Калифорния, округ Гумбольдт, то узнал, что закон до сих пор позволяет рубить секвойю — как отдельные деревья, так и целые площади — никогда прежде это не приходило мне в голову, — говорит Черни, вспоминая первую вспышку экологического сознания. — Никогда в действительности не делал этого, или, по крайней мере, я так думал». В тот день я стал активистом охраны природы.

Черни рассказывает, что он ожидал увидеть леса секвойи нетронутыми, чистыми, а местность — дорогой. «Я вырос в Нью-Йорке, где за квартиру платят астрономические суммы — чем приятнее район, тем выше арендная плата. Поэтому я откладывал отъезд в Редвудз на годы, будучи уверен, что в таком великолепном месте арендная плата будет измеряться тысячами долларов в месяц. Наверное, есть множество людей, примеряющих свой ограниченный кругозор к иным местам мира, не представляя себе степень разрушения и отсутствие достойной оценки, которые там происходят». В мае 1990 года борьба Черни за секвойю едва не стоила ему жизни. Он ехал в автомобиле, который вела Джуди Бари, тоже активистка и его единомышленница, когда взорвалась бомба. Бари была жестоко искалечена, а Черни ранен.

Экологическая интуиция члена группы «Освобождение животных» Ненси Барнет выросла, когда она увидела освоение земель вокруг Лос-Анжелеса, поглощавшее всё больше и больше мест обитания диких животных. И она полностью завладела ею, когда она начала исследовать использование животных в индустрии развлечений и поняла то неизбежное обесценивание, которое происходит, когда живое существо изымается из его среды обитания. «Например, — говорит Барнет, — морских свинок, или китов, или любых других животных нельзя отлавливать, они должны свободно жить в океане, а не быть пойманными в ловушки для показа в Мире моря или ином аквапарке... Любое животное, созданное, чтобы жить в джунглях Африки или Южной Америки, там и должно жить. Ведь они родились там! Я считаю, что животных нельзя держать в зоопарках. Их нельзя заключать в тюрьму ни из каких соображений. Всё и всех нужно оставить в покое». За её хлопоты Общество

благополучия животных предъявило ей судебный иск на том основании, что она несправедливо обвиняла его членов в слабой защите животных, снимаемых в кино.

Черни, Барнет и многие другие не нуждаются ни в какой философии, чтобы определить правильное направление действий, которое они чувствуют интуитивно. Однако новичкам этого движения экологическая философия помогает понять убеждения и действия активистов, действия, которые могут привести к покушениям на их жизни или «съесть» все их сбережения в результате судебного иска. Это философия не только мысли, но также и действия, — философия прахис, практики, союз философии и деятельности. Кроме того, экологическая философия вовсе не является совершенно новым феноменом. Философы, натуралисты, а также поэты во все века доказывали важность включения животных, растений, камней, рек в общую систему ценностей. Как отмечает Родерик Нэш в своей подробной истории экологической этики, ещё в досократовой Древней Греции и в Риме третьего века н. э. люди искали надлежащее место для животных в своей этике и законах.

Кое-кто доказывает, что это направление мысли было заблокировано адептами христианства с его доктриной доминирования человека над природой. Построение философской и концептуальной Эко-Стены пошло гораздо быстрее с развитием христианства. Бывали случайные отступления — итальянский монах XIII в. Франциск Ассизский, например, сумел проповедать любовь как к живой, так и к неживой природе в холодной атмосфере ранней римско-католической церкви. Но только в последнее время этика охраны природы и более радикальная экологическая философия нашли свой голос. Во многих отношениях экофилософия напоминает философии прошлого. Её представители говорят об онтологии, эпистемологии, гносеологии, моральных сообществах и кажутся чрезмерно педантичными в мельчайших деталях дискуссии. Но их взгляды многообещающи, и экофилософы успешно сформировали новую, остро дискуссионную нишу в философском мире. За последние двадцать лет возникли по крайней мере две новых философии, «глубинная экология» и «экофеминизм», предлагающие образ жизни, соответствующий критериям радикальной охраны природы.

«Подрывная наука»

Рассмотрение этих двух философий следует начать с краткого обзора науки экологии, поскольку она является центром экологической философии. Экология — это наука о том, как растения и животные — отдельные особи и их сообщества — взаимодействуют между собой и с окружающей средой. Она отличается от большинства других наук, поскольку не разбивает мир на части, дробя его на всё меньшие и меньшие кусочки, так что цельная картина совершенно теряется, а собирает все эти кусочки в единое целое.

Наш мир — мир неверующих, не религиозных неверующих, а тех, кто уже не доверяет своим чувствам, ощущениям, своей интуиции. Кому мы доверяем, так это посредникам в нашей жизни, авторитетам, которые сообщают нам, где загрязнён воздух, когда вид находится под угрозой исчезновения, когда в данном месте «слишком много волков», которых необходимо убивать. Наука — сегодняшней оракул. Быть может экология, которую называют «подрывной наукой», даст нам возможность преодолеть бедствия, созданные другими

науками, и образ мыслей, который их превозносит. Но это возможно только при здоровом вмешательстве интуиции людей, к которым вернуться их чувства и которые не побоятся доверять своему сердцу при принятии важнейших решений. Подрывная сторона экологии может помочь нам преодолеть близорукость и видеть дальше привычных ограничений — краткосрочных соображений по времени и ближайших соображений в смысле расстояния — увеличив продолжительность времени и физической территории, принимаемых во внимание. Это поможет нам подумать о влиянии сегодняшних действий на будущие поколения и земли, удалённые от наших на значительные расстояния. В результате у нас откроются глаза как на потенциальные возможности, так и на опасности.

Материалистический, энергопотребляющий и ресурсорасточающий западный образ жизни не может быть распространён на другие регионы мира в значительной степени; экологическое прочтение новейшей истории делает это ясным.

В экологии есть что-то интуитивно верное. «Верное» не значит, что экология предлагает какую-то научно сформулированную «истину», которую можно проверить. Действительно, даже в своих поисках знаний экология не примет доминирующего западного мировоззрения, с его догматами, что всё познаваемо, что истина проверяема и неизменна. Слишком много связующих нитей тянется к сети жизни, слишком много переменных в слишком большом числе экосистем для того, чтобы всю природу можно было познать и понять в совершенстве.

А то, что удаётся понять, многих пугает. Как отмечают экофилософы Билл Диволл и Джордж Сешнс, «экология подрывает не только страсть к бесконечному росту и хроническому освоению земель, но и саму науку». Экологические знания причиняют боль. «Одна из отрицательных сторон экологического образования заключается в том, что ты живёшь один в мире ран», — писал Олдо Леопольд, которого многие считают основателем экологической философии. Отмечая существование бесконечных взаимосвязей между всем на свете, экология подрывает доминирующую парадигму, показывая слабости Эко-Стены с другой стороны, с точки зрения всей остальной природы.

Глубинная экология и конец всех границ

В 1972 году норвежский философ Арне Нейс прочёл лекцию, в которой изложил основы того, что с тех пор стало называться «глубинной экологией». Глубинная экология — одно из позднейших выражений той традиции меньшинства в западной философии, которая существует сотни лет и которая утверждает, что человек не является мерой всех вещей, — он только часть всего сущего. Центральной концепцией этого мировоззрения, более популярного в восточных философских учениях, особенно в буддизме, является то, что природа реальности лишена барьеров. Австралийский философ Уорвик Фокс пишет: «В той мере, в которой мы воспринимаем границы, нам не хватает глубинного экологического сознания», — утверждение, выражающее «центральное интуитивное понимание глубинной экологии».

Две основополагающих ценности являются базисом глубинной экологии. Первая из них, самореализация, расширяет восприятие экологически сознательной личностью традиционно общепринятого понятия «само-», «я» — за пределы этой личности, его или её семьи и близких — и включает в него всю окружающую среду как целое. Отсутствие границ, о котором пишет Фокс, — это ощущение единства со всем остальным, освобождение от малого, индивидуально «я» и переход к большему «Я» путём повышения экологического сознания. Это неэгоистическое «Я», преданное идее процветания природного мира на его собственных условиях, свободного от чрезмерного вмешательства человека. Практические последствия такой самореализации разнообразны. Например, Нейс говорит, что самореализация может прийти только путём создания «неподавляющих» обществ, которые обращаются справедливо со всеми своими членами — и людьми, и всеми остальными. Здесь возникает тот аспект глубинной экологии, который пропагандирует радикальные социальные перемены. Как пишут в своей книге «Глубинная экология» Билл Диволл и Джордж Сешнс, «чтобы изменить людей, нужно изменить культуры, и наоборот. Мы не можем игнорировать ни личностную арену, ни социальную, поскольку наша цель — достичь гармонии друг с другом, с планетой и с самими собой».

Вторая важнейшая ценность глубинной экологии — эоцентризм, этическое положение о том, что всё в природе имеет свою собственную, внутреннюю ценность, или достоинство. В данном контексте понятие «эоцентризм» включает не только целое, но также и отдельные элементы, что будет особенно важно при обсуждении понятия «эофеминизм»). Ярлыки экономической, живописной, рекреационной, духовной или иной ценности, навешиваемые человеком для оценки природных объектов, отвергаются. Глубинные экологи заявляют, что «антропоцентрическое» мировоззрение, которое ставит людей в привилегированное положение, ничем не лучше убеждения древних, что солнце и звёзды вращаются вокруг Земли. Экология учит, что ни отдельная особь, ни вид не имеют такого особого статуса. Из этических соображений эоцентризм помещает человека на один уровень с деревьями, травой, горными львами или тараканами. Эта концепция совершенно чужда нам, западным людям, и нам трудно поверить, что некоторые из великих религий мира исповедуют этику, основанную на эоцентризме. Буддизм учит уважать окружающую среду, подчёркивая бесконечность жизни, её текучую, динамическую природу. Прожив всего краткий отрезок времени, мы умираем, чтобы возникнуть на Земле снова другим существом. Таков космологический способ выражения той мысли, что мы — часть пищевой цепи (или что мы могли бы ею быть, если бы не бронзовые каски и бетонные своды!).

Взгляды глубинной экологии

Основные идеи глубинной экологии — самореализация и эоцентризм — резко отличают её от западной философской парадигмы, которая сосредоточивает внимание на человеке как уникальном виде с «моральными устоями», единственной группе в природе, заслуживающей этического обращения. Диволл настаивает на важности глубинной экологии, признавая при этом длительную историю, протекающую сквозь неё и вынуждающую её идеологов бросать вызов традиционной философии: «Я чувствую, — говорит он, — что мы пересекли водораздел западной философии. Глубинная экология — наиболее мощное пост-модернистское движение». Эта «мощь» заключается в повсеместной критике «господствующего

мировоззрения», преобладающего в Америке и большинстве стран западного индустриального мира. Диволл и Сешнс обобщили основные различия в виде таблицы .

Господствующее мировоззрение

Господство над природой Природная среда как источник ресурсов для человека
Материальный/экономический рост возрастающего народонаселения Вера в неисчерпаемые запасы ресурсов Прогресс высоких технологий и соответствующие решения
Потребительство (консюмеризм) Национальные/централизованные сообщества

Глубинная экология

Гармония с природой Вся природа имеет свою собственную ценность/равенство всех видов
Элегантно простые материальные потребности (материальные цели служат более высокой цели самореализации «Поставки» Земли ограничены Приемлемые технологии; наука не господствующая над природой Умеренность/повторное использование (циркуляция)
Традиции меньшинства/ биорегионы

Хотя в настоящее время ещё нет единого общепринятого мнения относительно глубинного экологического будущего, основанного на принятии названных ценностей, глубинные экологи разработали определённые рекомендации, как жить в соответствии с «глубинно-экологическими» принципами. «Экоцентрический» образ жизни означает, к примеру, жить проще, оказывая минимальное воздействие на природу. Практически это может означать занятие садоводством, пользование общественным транспортом вместо личной машины, знание того, как наши потребительские предпочтения влияют на окружающую среду, наконец, минимально возможное потребление.

Кроме того, глубинные экологи призывают к сокращению народонаселения Земли, чтобы уменьшить давление на окружающую среду. Они подчёркивают, что экологические последствия сокращения человеческой популяции важны не только для развивающихся стран, где ресурсы (или «снабжение», термин, который предпочитают некоторые радикалы) уже ограничены и где население стремительно растёт, но также и для развитых стран. Жители Северной Америки, Европы, Японии потребляют непропорционально много энергии, пищи, услуг здравоохранения, материальных благ. Глубинные экологи признают, что только сокращение народонаселения даст возможность прекратить экстенсивную эксплуатацию природы человеком. Они утверждают, что продолжающееся разрушение природной среды не может быть оправдано ни морально, ни экологически; более того, они считают, что это может продолжаться долго.

Особую тревогу глубинных экологов вызывает уничтожение остатков дикой природы во всём мире. В США «дикой природой» обычно называют значительные территории без дорог, в идеальном случае площадью не менее 5 тыс. акров. Важность этих зон дикой природы заключается в «общих экологических функциях этих земель», согласно Сешнсу и Нессу, наиболее примечательной из которых является «продолжающаяся эволюция видов животных и растений». Другими словами, эти зоны — банк генов живой природы. Эдвард Голдсмит, редактор весьма уважаемого журнала «Эколог» (The Ecologist), писал, что

«изменения, причиной которых является индустриализация, фактически, поворачивают вспять экологическую сукцессию, то есть последовательную смену биогеоценозов, поэтому мы должны рассматривать индустриальное развитие, или 'прогресс' как анти-эволюционный процесс... Нарушая экологическую сукцессию, он способствует возрастанию экологической нестабильности».

Для того, чтобы прекратить это человеческое насилие над природой, следует изменить направление политической и экономической деятельности и идеологии. Одним из «основных социальных толчков глубинного, долговременного экологического движения является трансформация масс в новый тип общества», согласно Диволлу. Цель — «вооружить всё больше и больше простых людей их экологическим «Я», укрепить солидарность и эффективность массовых движений, когда они столкнутся с могучей бюрократией и иерархическими организациями». Идеальная политическая форма для достижения таких результатов будет совместима с окружающей средой и с идеалами глубинной экологии. Исходя из этого, глубинные экологи считают порочными как социалистическое, так и капиталистическое общества, поскольку и то, и другое основаны на гигантских предприятиях, производящих товары для непрерывно растущего населения Земли.

Ответ глубинной экологии — пропагандировать сообщества, основанные на максиме Ганди: «Идеально ненасильственное государство будет упорядоченной анархией». Анархия глубинных экологов не хаотична, — она основывается на модели многих племенных культур. Каждая личность будет ограничена определёнными этическими нормами, но в пределах этих границ люди будут иметь достаточно широкую свободу, чтобы жить, как им хочется. Один из учредителей «ЗПВ!» Дейв Формэн проводит следующее различие между такими тесно связанными сообществами и «анархией»: «я считаю себя трайбалистом (сторонником племенного строя — прим. перев.), а не анархистом. Я думаю, если поглядеть на любое первобытное общество, каждый человек в таком обществе имел значительную степень личной свободы, но это была свобода в контексте племенной культуры. Детали этой племенной культуры и её обычаи не важны. Важно то, что имеется культурная матрица и этические нормы, в пределах которых вы действуете».

«Биорегионализм» предлагается глубинными экологами как теория идеальной политической организации. Границы биорегиона могут быть фиксированы, хотя и свободно, на основе экологических, философских и антропологических критериев, таких как водораздел данной территории, общее чувство причастности к данному месту, и культурные отличия данной территории. Политический процесс, предусматриваемый глубинными экологами, будет децентрализованным и действительно демократичным, предоставляя возможность каждому члену сообщества высказать своё мнение по поводу политических решений.

Духовность и глубинная экология

Согласно Арне Нейсу, существенным для реализации идей глубинной экологии является её «религиозный компонент, глубинная интуиция, которую каждый должен культивировать в

себе, если он или она хотят вести жизнь, основанную на ценностях, а не функционировать, как компьютер». Ценности могут быть важны сами по себе, но существенным является их развитие в себе путём определённой духовной дисциплины. Диволл добавляет, что «практика глубинной экологии основывается на религиозных и общинных началах. Я думаю, что этому способствует духовная жажда», возникающая в наших бесцельных потребительских культурах. «Если наша интерпретация глубинной экологии оказалась слишком мистической для этой страны, так это потому, что эта страна так материалистична». Духовность глубинной экологии — и вообще эко-философии — эклектична, она широко вобрала в себя и метафизику, и духовную практику аборигенов Америки, а также и иные традиции, в частности дзен буддизм, таоизм, индуизм, христианство.

Большинство радикальных активистов охраны природы не следуют этим духовным «путём», однако чувствуют крепкую связь между собою и местом, где они живут, что укрепляет их убеждения и действия. Диволл приписывает эковоидам качества Дзен: «новый боец не задаёт окончательных вопросов в своей ежедневной деятельности, поскольку постановка вопроса впутывает бойца в его составление и мешает ответу». Они «целеустремленные, сосредоточенные, настойчивые, нежные, сильные, искренние, внимательные, бдительные и осторожные».

Многообещающая перспектива экофеминизма

Французский термин *ecofeminisme* был введен в 1974 году «чтобы привлечь внимание к способности женщин произвести экологическую революцию». С тех пор экофеминизм вырос до уровня одного из важнейших течений экофилософии, а также развивающейся, многообещающей экономической, политической и социальной теорией. Один из её апологетов называет её «движение за прекращение всех форм угнетения», — угнетения, которое коренится в так называемой «мужской» системе ценностей и социальных структур. Таким образом, экологические проблемы коренятся в андроцентризме, или идеологии, обществе с мужчиной в центре, а глубинные экологи предлагают вместо неё «нейтральное с точки зрения пола» общество, центром которого является человек. Эта глубинная экология игнорирует «мужское мировоззрение», ответственное за угнетение природы, — а также женщин и других меньшинств — является главным недостатком, считают экофеминисты. Некоторые экофеминисты действительно находят общую почву с глубинными экологами по некоторым вопросам, включая роль интуиции в развитии философии вообще и воспитание этической ориентации в отношении к природе в частности. Оба эти направления утверждают, что общение с окружающей человека природой важно для развития экологического сознания, и глубинные экологи и экофеминисты равным образом интересуются духовной природой в его поисках.

Однако вопрос о коренной причине подавления природы человечеством — андроцентризм или антропоцентризм — резко разделяет глубинных экологов и экофеминистов.

Эко-феминисты считают, что индустриальные общества, как и прочие, существовавшие тысячелетия назад, являются иерархиями, основанными на мужском доминировании с их андроцентрической системой ценностей, и пренебрегают «женской» системой ценностей, включающей стремление к всеобщему равенству, взаимную привязанность и отсутствие агрессивности. Они отмечают, что мужчины, ведомые своим рационализмом, стремлением доминировать, соперничеством, индивидуализмом и желанием управлять, чаще всего являются виновниками эксплуатации животных и природы. Однако, как отмечает Инестра Кинг, «мужской» системе ценностей привержены не только мужчины. «Нет оснований считать, — пишет Кинг, — что женщины, занимающие какие-либо должности при патриархальной власти, будут действовать иначе, чем мужчины»; далее она говорит, что и экономика, и политика должны будут измениться как часть «феминистской революции». Как и глубинная экология, эко-феминизм утверждает, что сегодняшние социальные и экологические проблемы могут быть разрешены только посредством повсеместных социальных перемен.

Версия #1

Зверобой создал 20 апреля 2025 19:19:46

Зверобой обновил 20 апреля 2025 19:23:14